

СНЕ VUOI? (ВЫБОР ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА (МГУ) И ПОПЫТКА «ЛОГОСА» 1990-х)¹

О.В. Никифоров
Издательство «Логос»

Аннотация: Текст тематизирует «субкультурно-философскую» ситуацию 1990-х годов в «постсоветской» России, выделяя контекст «актуальности» и «фрагментной разорванности» того периода, когда личный «выбор философского» сопрягался с неотложностью практических действий по формированию микро-сообществ (одним из наиболее длительных и заметных тогда являлся философский журнал «Логос» (Москва, 1991...)), прорабатывавших массив как отечественного, так и мирового «философское наследия» в плане их открытия для само-актуализирующего мысле-действия соучастовавших в том философском поколении «смутных» 1990-х гг.

Ключевые слова: выбор философского, МГУ 1987-го, философский журнал «Логос», «Логос» 1990-х, философское поколение, разрыв, микрособытие, сообщество, ИФ РАН, Авто-био-графия.

Und damals weilte er in der Stadt,
welche genannt wird: die bunte Kuh.
(Also sprach Zarathustra (I.):
Von den drei Verwandlungen)

I. Поколенческий план

00a) Регистр «поколений»

Попытка прописать какие-то «локальные» истории групп людей (например, в случае, к которому мы здесь обращаемся, – московского «философсколитературного журнала “Логос”» 1990-х), некогда моментно собранных общими *Che vuoi?* интересами, их «типизируя» в историю не(в)ставшего поколения, – не может не показаться дегенеративно неуместным занятием. Ведь *momentum* того поколения – момент эмансипативной открытости (начала) 1990-х – он был тем и так, чем и как он был тогда, в постсоветских московских 1990-х,

¹ См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – С. 756–768.

и остается запечатанным тем ушедшим периодом времени, запечатленным в его свершенности, не приемлющим приводящих дополнений и перетолкований?

За ним, за тем рядом моментов открытости к новой сборке, специфицировавших то «наше» условное «поколение X» (или «поколение Y»), представители которого оказывались озадаченными такими факторами «вторжения реального», как «распад СССР», «война в Заливе» и «конец Истории», последовали моменты актуализации поколений («generational cutoff points») пост-постисторических «миллениалов» (9/11) и twitter-революционного «поколения Z» («Gen Z» – условно, предосетевленного поколения), до сих пор собирающегося в своей текущей идентичности, пребывающего в поле неопределенности относительно собственного потенциала и целеполаганий. Место одних несбывшихся поколений, запускаемых в Историю дежурными мегасобытиями, занимают другие, чтобы передать эту никогда не свершающуюся вполне эстафету следующим и последующим (но, зачастую и как правило, не переставая сами бежать по межисторической дистанции – рядом, лишь постепенно отставая от очередных новичков на сцене Истории, но временами, видимо и вполне «в духе пост-модерна», и опережая их)...

«Социологические изыскания», но также «исторические обобщения» и «теоретические спекуляции», конечно, легко находят себе место применительно и к этому «межпоколенческому» материалу... Особенно – если демонстрируемое ими типическое оказывается поддерживаемым и конкретизируемым сингулярными рассказами о тогдашних *hic et nunc*, расставляющими субъективно (?), персонажно (?) значимые в своей «типичности» мгновения тех моментов «суб- и транс-поколенческих» со-обществ, без учета которых по-прежнему рыхлое в своей недосформированности целое (микро- или макро-культурное) вовсе ускользает и распадается?

– Ведь «история поколения» («потерянного» ли, «победителей» ли или так и/еще «не(в)ставшего») – это всегда конфигурация конкретно удавшихся или неслучившихся выборов, решений и свершений, которыми выделяются локальные микро-сообщества (лишь ситуативно-длительные – куда держится сцепка содействия их двух-трех-четырёх со-участников), сплавляющиеся или расточающиеся (в) звенья межпоколенческой цепочки, концов которой не дано и не найти?

00b) «Дикое поле» поколения X

Перестроечная вторая половина 1980-х был отмечена явственным смягчением императивности идеологического, ранее – на протяжении всего короткого («советского») XX века, датируемого периодом с 1917-го по 1991-й – жестко прочерчивавшего и отстаивавшего границы должного и непреступаемого. Остаточные 1990-е – словами А. Бадью: «охвостье века» – столкнули все выжившие пост-советские поколения (и бывших «победителей», и «оттепели» (шестидесятников), и последовавшей брежневской «нормализации» (семидесятников), и, собственно, местное «поколение X» (идентифицировавшее своих по паролю «Ждем перемен» и (менее востребованному) отзыву «Завтра действовать будем мы» (1986)) с реалиями открытого мира, «дикого поля» либеральных / «русских» экспериментов, позволенным в котором было практически всё, что оказывалось исполнимым (а сокрушенное «anything goes» Фейерабенда вольно переводилось местными политтехнологами (в действие) как «всё подходит, что проходит»).

Будучи предоставленными новым реалиям такого рода («Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить!» (1990) или, в очередной раз, «Обогащайтесь!») – что могло стать собственным выбором «поколения философов 1990-х в России»? – Прежде всего: остаться в профессии. И, главное (и сингулярно различающееся для каждого решившегося «остаться»), далее работать над пониманием того, что это значит: присваивать русскому языку философское измерение в пост-советских условиях «дикого поля».

Рефлексия на «пост-советское русское» состояние языка и культуросоциальности тогда, на стыке поточно (слишком публицистично и политехнологично) обновлявшихся времен, остро нуждалась в опоре на активное воспоминание того, что составляло «собственно русское» («русскую мысль» пред-революционного периода и этапа ее отстраненности в эмиграцию), «собственно советское» (как опыта созидания «(дивного) нового мира» с нуля, по проведению «нейтрализации», вынесению за скобки массива «старого»), «нормальное западное» (как «либеральное», так и «научное») и «альтернативное восточное» (как принципиально а-историчное, исходящее из другого истока, но созвучное в своей изначальности с «древнегреческим» и практически рифмуемое с ним, как и с хронологически позднейшим «русским» – как «всемирно отзывчивым»).

Решающим же моментом оставалась практика: как и в чем ты/вы на деле сможешь / сможете воплотить свой выбор философского?

II. Авто-био-графический план

001. Выбор философского

Всегда был и остается симптоматичным и проблемным моментом: почему не юридический? или экономический? или Институт нефти и газа им. Губкина, наконец, куда «и поступать проще и понятнее, чему народ там учиться»?!

– Потому что то, чем занимается народ после «юридического», «экономического или «губкинского», – понятно и скучно. Тогда как «учиться на философском» – это разбираться в том, что принципиально непонятно (будь то чеканные формулировки рано прочитанного (с вязким недоразумением) учебника «Обществоведение для ВУЗов» или застающие врасплох (тревожащие и идущие вразрез всему нормализованно-советскому окружающему) ситуации из «Преступления и наказания»), а потому и интересно.

Убойная аргументация *ex negativo*. – «Ну иди на философский, раз решил...» – только и остается сокрушенно вздохнуть родителям.

Ты собираешься из безвременья уральского моногородка, тонированного простирающимися на сотни километров в любую сторону пейзажами «перевала Дятлова», в Москву как предполагаемый центр знания-как.

Без особых иллюзий относительно того, что там всё сразу станет «ясно и понятно». Просто понимая, что заводская фактичность окруженного лесом «г. Полевской Свердловской обл.» (варьируемая индивидуальными выходами молодежи в «войну», «спорт» или «рок») – это следствие из последствий тех решений и событий, которые случились не на этом самом месте, где ты находишься, но в какой-нибудь там Москве, наверное?

002. Первый урок

Это была вводная лекция новоначенного декана факультета профессора Ричарда Косолапова (1930–2020), по шепоту новосокурсников, «только что смещенного с должности главреда журнала “Коммунист”!» – что бы это ни значило (а что это могло значить?..).

Из самой лекции впечаталось заключение-обращение лектора: «Вы, именно вы, – борцы идеологического фронта! А борьба еще предстоит, ожесточенная и горячая...»

– Какая, собственно, борьба и с кем именно? – оставалось недосказанным и непонятным. На тот момент шел третий год «перестройки», которая, как предполагалось, передельвала к лучшему ранее неловко собранное на пути строительства социализма, форсажем «ускорения» и «гласности», повсеместное утверждение которой должно было сорвать пелену идеологической защищенности со всего нескладного (и даже преступного – «чего уж скрывать!»), что было допущено ранее. Настроение момента было «за всё хорошее и против всего плохого!» – кто ж с таким историческим поворотом мог не согласиться?!

003. Выбор специализации

«Ну, собственно, это не совсем уж прям “выбор” – просто вам надо будет определиться, к какой кафедре вы в первый год обучения будете формально прикреплены. А потом уж примете более осознанный выбор...» – Но что выбирать? Очевидно, что-то более серьезное, чем разные «истории» западной или отечественной философий, эфемерная «эстетика» или формальная «логика» – кафедра «исторического материализма» (Seid umschlungen Millionen!), очевидно! Чтобы разобраться не в том, как «объяснять мир», но в том, как изменить его к лучшему! – Ведь об этом же философия?!

004. Первый год обучения

Первый год на философском факультете ты ходишь на лекции и семинары как на службу, в костюме, и готовишься к занятиям по методичкам. Ведь тебе предстоит обучиться тому, как изменять мир к лучшему! – серьезное занятие. Что там еще нужно отчитать?

Но уже на втором семестре начинаешь подозревать, что костюм твою форму не удержит, а рекомендуемые методичкой материалы (преимущественно поминающие работы Маркса-Энгельса-Ленина) порождают больше вопросов, чем дают ответов.

Кроме того, между тобой-первокурсником и преподавателями различных философских курсов – разрыв. Они, те из них, которые «интересны», явно знают про то, что ты еще не скоро сможешь узнать: Вещество Философии, – и общаются с тобой, как тебе думается-чувствуется, как с милым дикарем (если не животным), которому еще эволюционировать и эволюционировать... Куда эволюционировать, как ускориться? Почему об этом не написано в чёртовых методичках, представляющих дело так, как если бы мы уже скакнули «из царства необходимости в царство свободы», так что остальное – лишь «дело техники»?! Уважаемые, предписания методичек как-то не связываются воедино! Ничего понятнее не становится!

В голове – туман и всполохи молний: то ли из Гераклита, то ли из Бурлюка / Рембо: «Каждый молод молод молод / В животе чертовский голод...» И это не о действительно пустых тогда полках магазинов, но о самом мире, хребет которого в твоих впитывающих книжные страницы глазах истончается до исчезновения. И ты сам, всё более становясь «верблюдом», тоже истончаешься...

Fazit 1-го года обучения (1987/88) императивен: костюм не носить, к формальным рекомендациям методичек относиться с подозрением, искать места силы. Ну и продолжать читать Ницше, конечно.

005. Преподаватели

На втором году начинаешь различать преподавателей: на тех, кто всегда, так или иначе, пытается вырулить на методичку (к которой ты уже научился «относиться с подозрением») и на преподав-с-темой: показывающих Вещество Философии (или даже (милосердно!) скрывающих его от тебя-зелёного, но соотносящихся с ним в своей речи-присутствии).

В основном это были специалисты с кафедры ИЗФ: М. Гарнцев, А. Грязнов (1948–2001), А. Игнатович (1947–2001), Г. Майоров... – за которыми стояли уже сформированные/схватившиеся миры философий («древнегреческой», «аналитической», «буддизма махаяны», «средневековой»), виды на которые они могли приоткрыть даже юным разумом студентам. Со специалистами по актуальным философским проблематикам (несмотря на безупречную стильность тогдашнего зафакафедрой ИЗФ – А. Зотова) дело обстояло сложнее – в силу непроряженной сложности самой «актуальности». В 1988-м для русского языка слишком многое становилось актуальным. Практически, всё наследие XX (и «зарубежного», и «отечественного»), которое только-только начинало приоткрываться в своей ошеломляющей сложности.

О том, что делать, как учить и актуализировать «исторический материализм», на самой кафедре истмата никто особо не беспокоился, всё более предпочитая отходить от его «ради-

кального конструктивизма» к более спокойным «описательным» методам и пересказываемым авторам («Питирим Сорокин! Вот утраченные ключи!»). – «Изменить мир» к лучшему? УЖЕ не получилось! Сконцентрируемся на расширении базы источников и восполнении лакун...

Fazit 2-го года обучения (1988/89): младостуденчески-зарифмованная под Ницше курсовая на кафедре эстетики.

006. «Русская философия» как тема (1989/90)

Выбор темы для 3-го года на философском было «Обоснование интуитивизма» (1906) Николая Лосского (1870–1965). – Оставаться только с Ницше, безусловно неизбежным для любого «начинания» и возвращающимся при «продолжении дальше», не «прокачав» собственное понимание философского контекста, казалось неправомерным: слишком многое выпадало из описания. Необходимо было ограничить сложность «поискового горизонта» – историей русской (была ведь, была и такая!) философии, причем выбрав из множества ее персонажей по возможности наиболее конструктивного и самостоятельного. Условного self-made man'a, не обязывавшего себя избыточными кредитами и заимствованиями у предшественников. – Лосский, по романтике социал-демократической юности чуть не загремевший во французский Иностраннный легион и «трезво рисковавший» на своем академическом пути, атаковал бастионы кантовской критики из тактического отступления в феерию Лейбницевои монадологии. «В душе каждого человека, не слишком забитого судьбою, не слишком оттесненного на низшие ступени духовного существования, пылает фаустовская жажда бесконечной широты жизни» – годится для продолжения!

007. Попутная засада

Но здесь, на попытке (опять проводимой в одно лицо: зачем беспокоить старших товарищей с кафедры истории русской философии (например, проф. В. Богатова (1925–1997)), если ты сам еще не понял, что именно ты не понимаешь?) – на попытке присвоения «обоснования интуитивизма», выведенного автором из 90 коротких и, казалось бы, легко перелагаемых «поэтически» абзацев «Монадологии» (1714), тебя ожидает ловушка: работа Лосского жестко завязана на форматировании параллельно финализируемого им перевода «Критики чистого разума» (1781 (перевод – 1907)). Не принять этот вызов невозможно – и ты погружаешься в прочтение 1-й «Критики» (раз, два, три), затем второй – «практического разума» (раз-два), и, наконец, третьей – «способности суждения» (раз, два, три + параллельно с немецким оригиналом, четыре...). Дело идет не о «что» понимания/ непонимания прочитываемого, но о его «как»: о телесном освоении (через практику «глубокого» чтения-погружения) места откуда говорят, к кому обращаются и чего желают (как по ходу переформулируются кантовские вопросы (что могу знать? что должен делать? на что вправе надеяться?)).

Ты погружаешься в этот индивидуальный опыт телесного прочтения – он тебя замедляет и осаживает, перестраивает, жестко мнет твое нутро. Причем процесс этот длительный, он длится, и длится, и длится... и никак не выводится вовне, не предъясвляется в «результатах». Если только ex negativo?..

008. Вылазка ex negativo

И вот – хороший повод: дежурный курс по ИЗФ («немецкая классическая философия»), по методичкам которого на всего Канта уделяется около 4 занятий, на последующего Гегеля – около 6. – Как так? Я вот тут, допустим, умираю со скоростью «критического» прочтения страница-в-час, а «они» собираются со всем за сутки управиться? И тогда как я-то «знаю, что не знаю», «они»-то делают вид, что знают! Надо б спросить у «них» по гамбургскому счету: выстроить ситуацию встречи нашего «незнания» и этого их «знания», просто поговорить «по понятиям» – что получится?

Команда «наших» набирается слету (Игорь Чубаров, просветленный «Самопознанием» Бердяева, и Андрей Лавров, с первого курса не выпускавший из рук переплетенные страницы фотокопий с эмигрантских изданий Ивана Ильина). На «их» стороне – лектор / семинарист В. Кузнецов (1932–2011). Изначальный план был прост: «Предъявляем СВЕРХготовность по параграфам, рекомендованным к прочтению, и затем предельно замедляем семинариста на разборе деталей, демонстрируя непригодность формальных рекомендаций “методичек”...» Исполнение... оказалось не таким простым («гладко было на бумаге...»): запаса тщательно отчитанного «нам» хватило лишь на три-четыре занятия бойцовых выходов, при переходе на Гегеля лектор, уже неоднократно отработавший «материал» в его практическом, т. е. скоростном, представлении по утвержденной методичке (и только-только опубликовавший учебное пособие по теме), на раз-два оставил «нас» позади: «Если не хотите отставать, молодые люди, пользуйтесь рекомендациями методички!..»

Нет, сверхблизкое прочтение немецкой классики (наподобие революционно-сверхмедленного «Введения в чтение Гегеля», которым А. Кожев на протяжении 7 лет (1933–1939) переформатировал парижскую культур-философскую общественность) тем форматом университетских семинаров отнюдь НЕ предполагалось и НЕ приветствовалось. Однако сознание «собственной правоты» («нет философии, кроме экзистенциально исполняемой») «нас» не оставило, хотя «методические рекомендации» далее и пришлось учитывать... Это было «тактическое» отступление, но всё-таки НАШЕ (мгновенно-микрпоколенческое) отступление.

009. Экзистенциальное исполнение

Осень 89-го была отмечена отъездом «в никуда» гэдээровских студентов с отделения «научного коммунизма». «Горбачев нас продал», как по-будничному Che vuoi? безапелляционно проронила за комплексным обедом в общежитской столовой одна из них, статная блондинка типа Брюнхильды, перед тем как вовсе исчезнуть из университета. (Польские сокурсники, изначально более скептические ко всему «советскому», растворились бесшумно.)

«Левый проект» схлопывался даже в мечтах, нео-либеральные фанфары, дискурсивно невнятные, еще только разучивались (по шумному «пробнику» Фукуямы), ожидания экзистенциального обновления, естественно, связывались с возвращением «русской философии» – Соловьевым, Бердяевым, Флоренским и с-места-пронзительным, увлекательным до неприличия (или же неприличноувлекательным) Розановым. – Розанов сервировался, прежде всего, архивнопубликаторскими усилиями В. Сукача и... его иронически-страстным реинкарнированием в машинописном и неспешно «расшариваемом» среди своих-своих «Бесконечном тупике» Д. Галковского (1988), ошарашивающем сугубой двойственностью своей экспозиции (зарифмовывавшей Чернышевского /ЛенинаРозанова-Набокова и себя «Одинокова»): да, «русское» «доставляет», но ведь ты понимаешь, дружок, что где спасительное – там и опасное, где святое – там и постыдное?..

Розанов (и сам по себе, и в конфессионально-разрывном гипертекстовом исполнении Галковского) давал почувствовать биение нерва своего/ твоего «русского языка» во всей его сложностной укорененности во вновь (на рубеже 1990-х) открытой продолжением Истории: декларативно-наивный Фукуяма бил здесь совсем мимо, наивно-прочитываемый Ницше оказывался патетично-недостаточен. Но и одним «биением нерва», пусть и в правильных местах твоего тела, ответить на перестроечное схождение 1-го («западного») и 2-го («советского») миров было невозможно. Нужен был «метод», сочетающий страсть с рефлексивной дистанцией, ну и, по возможности, конструктивно открытый к сложно угадываемому будущему. «Философия как (строгая) наука как (личная) страсть» – если такое возможно?

010. Сборка «“Логоса” 90-х»

«Логос», вернее – то, что в итоге оказалось названным «Философско-литературный журнал “Логос”», начался (осенью 1990-го) словами Валерия Анашвили, обращенными к нам с Игорем Чубаровым: А давайте-ка сделаем философский журнал?! – Конечно, давай сделаем! – с ответом на неожиданное, но такое очевидное предложение мы не замедлились ни на полсекунды.

1990-й – по-прежнему (несмотря на появление прогрессивной «Проблемы человека в западной философии») оставался недотекстуальным, бескнижным, малоксероксным и совсем (!) безынтенетным. Встретить нужную «по специальности» публикацию, тем более если ты даже еще не дипломник, стоило большого труда и удачи – просочившись в пару комнат «спецхрана», запрятанных в брюхе «Ленинки», или в читальный зал ИНИОНа на Профсоюзной, открывающийся новичкам лишь по спецзапросу.

О том, что УЖЕ МОЖНО И САМИМ (с 1988-го, дозволившего также и издательскую кооперацию («Гнозис», «Текст»...)) издавать, собирать и писать собственно для публикации здесь и сейчас недостающие для «философского дыхания» тексты – об этом нужно было не только догадаться, но также и изобрести самого себя, «некоторых нас самих» для такого разворота мира, застывшего в статике и инерции, заблокированного историческими прорехами и упущениями. Нужно было оказаться наивно-бесстрашными и желать «другого».

011. Тема «“Логоса” 90-х»

Собственно «недостающее» и стало Темой «Логоса» на стыке 1990/1991. Чего «нам» (?) «здесь и сейчас» (?) не хватает? – Нового (или «еще неизданного», «выпавшего» из употребления): «живой философии» на русском – философии, мыслящей целое и/или ключевые детали, которая позволяла бы тебе лично как-то соориентироваться в ситуации, явственно расцеплявшейся и на макро- и на микроуровнях.

«The time is out of joint...»: «Век расшатался...» – это чувствовалось даже «нам», «третьекурсникам с притязанием на понимание». Про гамлетовское продолжение фразы (Акт I, Сц. 5): «...и скверней всего, Что я рожден восстановить его!» – мы, вдохновляемые тогда гуссерлевской перспективой «философии как строгой науки» и повсеместного применения феноменологических редукций для обретения исходной точки опоры, «скромно» не задумывались: сначала нужно было спасти свое понимание хоть чего-то важного, значимого, работающего. И... позаботиться о подборке текстов для пилотного номера, о макете + обложке + типографии и, самое тревожное, о совместном написании первого текста «от редакции» – проговорить и выписать, кто мы, собственно, и чего хотим. Причем понимая, что любая сборка высказывания «от редакции» окажется несовершенной и недостаточной, не гарантированной практически ничем, кроме самой «нашей» моментно-кайротически сцепившейся воли и желания собрать это высказывание – множественное и продолжающееся высказывание «Логоса».

Первый выпуск «Философско-литературного журнала “Логос”» был напечатан в «ведомственной типографии» в Щербинке в июне 1991-го.

012. Исходная аналогия: «Международный журнал по философии культуры “Логос”» (1910–1914; 1925)

Эта точка исхода была вступительно предъявлена в публикации главы из воспоминаний одного из молодых и дерзких со-инициаторов «до-революционного “Логоса”» Федора Степуна, так резюмировавшего свои тогдашние редакторские намерения: «Задачей русского “Логоса” было подведение методологического фундамента под научно, по нашему мнению, малоозабоченную русскую философию, как религиозно-интуитивного, так и марксистско-догматического характера».

Наполеоновско-ленинский императив «On s'engage et puis... on voit», на стыке 1909/1910 вдохновлявший ту «битву за “Логос”» младонеекантианских выучеников Виндельбанда, вольно легитимировал и «нашу» попытку «Логоса» на стыке Che vuoi? 1990/1991. Только принципиально тревожащим фактором сейчас выступала уже не былая «малоозабоченность», предполагавшая таки некий локально-наличествовавший «достаток», но множественная дезориентированность и базовая «нехватка» – отсутствие базы и ориентиров как таковых, взывающие если не к Поступку, то хоть к какому-то восполняющему «зияния» и «неполноту» действию...

Тем временем, в августе 1991-го, по проспекту Вернадского, мимо окон Дома студентов и, далее, 1-го гумкорпуса МГУ («что напротив нового цирка») поехали танки: сначала, 19-го августа – в центр, к Белому дому, потом, после 21-го, из центра. 70 лет попытки построения «нового мира» схлопывались –

*This is the way the world ends
Not with a bang but a whimper.*

Но танки на улице, как правило, и не имеют ни «логического», ни «логико-исторического» обоснования. (Потому они и появляются, что обоснования не может быть дано. – Как *deus ex machina*.)

Мы смотрели на танки, пересматривались друг с другом:

- Это бессмыслица какая-то!
- Но это танки!
- Что же делать?
- Новый «Логос»! «Логос» делать!!!

013. Траектории нового «Логоса»

«Логос» начала 1990-х не предьявлял (и не мог предьявлять) «оригинальных» «сильных» высказываний, кроме продолжающегося являвания себя самого, своего микрособытийного движения: возможно желать другого, возможно делать себя другим – здесь и сейчас, без испрашивания дозволений и оглядки на контролирующие инстанции. Просто из собственного честного желания большего («философии как строгой науки / страсти») – которое и позволяет, и поправляет, требует и настаивает.

«Логос» выносился как место сборки, конденсации энергий, встречи некоторых, многих (потенциально – всех) носителей живого, действительного или мнимого, увлеченных при-открывшимся им Веществом философии (не только «феноменологической») – местом «желания-знать» / «говорить по делу» / «страстно действовать разумно».

Траектории этих сборок отмечены содержанием выпусков «Логоса» 1990-х, окказионально разносимого из крайности в крайность, от одной «опытной партии» к другой – вследствие подготовленных или происшедших сами собой «встреч» со «сталкерами» тех или иных исторически, функционально или экзистенциально схваченных полей переживания и письма. – За «нами», в отличие от молодых инициаторов дореволюционного «Международного “Логоса”», не стояли ни Виндельбанд с Риккертом и Дильтеем, ни Зиммель с Гуссерлем. Вернее – нестояли: голос условного «Гуссерля» озвучивал (тогда еще из Ростова) В. Молчанов, условного «Дильтея» – В. Калиниченко (1948–2008), ноты «античного всеединства» – М. Гарнцев... «Мы сами», члены редколлегии журнала, пытались рефлексивно, актуализирующе про-дублировать значимые для до-революционного «Логоса» голоса русскоязычной философии (Ф. Степуна и Г. Шпета (Игорь Чубаров), С. Франка и Н. Лосского (Олег Никифоров), В. Соловьева (Алексей Козырев)).

Несколько особо – уже «пост-логосовски» – на схватывании траекторий «Логоса» сказывалось влияние и публикации текстов вне-университетских акторов: только что ушедшего М. Мамардашвили (1930–1990), переговаривавшего западную философию XX от себя и порусски, и его почти-учеников, отвечавших вызову открытости 90-х на платформе «Лаборатории постклассических исследований в философии» (1987–1997, ИФ РАН), прежде всего: В. Подороги (1946–2020), вытягивавшего ландшафтность экзистенциальной метафизики пост-современности и извлекавшего аналитико-антропологический корень из традиционно (даже учениками «лотмановской школы») нерелексивно воспринимаемого дискурса «(русской) литературы» как тезауруса наследуемых высоких образцов, и М. Рыклина, настраивавшего пост-структуралистскую оптику на рассмотрение опыта «советского».

Свидетельствовала ли эта, казалось бы, эклектичная опосредованность о вторичности самого начинания «философско-литературного “Логоса” 1990-х»? – Безусловно! Но... каков излом времени, каковы его восприимчивы – таков и «логос». (В лучшем (из возможных тогда) смысле этого слова.) С самой этой принципиальной «вторичностью» – разорванностью и разбросанностью рецепируемого наследия и актуальной пост-советской культурной ситуацией, как и со своей собственной «персональностью» (скорее, «по-хармсовски» ситуативно-спонтанной, нежели концептуальной) – «мы» тогда (также, собственно, и прежде всего) и пытались начать работать.

Словами предудеждающего текста «От редакции»:

возможно ли ныне возрождение «Логоса», и в каком смысле возрожденный «Логос» будет продолжением, а точнее продолжением попытки продолжения, «Логоса» старого? Наша задача, таким образом, удваивается и даже утраивается по сравнению с соответствующими задачами зачинателей и продолжателей «Логоса». А к необходимости обоснования возможностей «логизирования» вообще, прибавляется обоснование претензии продолжать это логизирование на путях старого «Логоса» и «Логоса» возобновленного, но так и не возобновившегося в 1925 году, причем в условиях современных дегенерирующих «культурных» процессов. Но вот оговорка-ограничение, нашу задачу упрощающая и одновременно усложняющая. «Мы» будем издавать не столько «философский журнал», который содержал бы оригинальные статьи современных «философов», сколько философский альманах, на страницах которого «воскреснут» философы времен прошедших

014. Культур-прагматика «Логоса» (I)

О каком-либо (символическом) «патронировании» со стороны философского «истеблишмента» или (финансовом) со стороны тогда начинавших галопировать «новорусских капитал-кооператоров» речь между «нами» даже не заходила: первые 2 номера «Логоса» были собраны-отпечатаны на личном драйве, затем, на стыке 1992/1993, уже при идеал-романтической поддержке нашего культур-журнального проекта со стороны «Издательского кооператива “Гнозис”». Наряду с подготовкой и изданием журнала мы тогда начали там делать и значимые для проекта «Логоса» книги, поскольку... ведь нелепо ограничиваться изданием фрагментов и выдержек, если технически исполнимым («галактика Гутенберга» – наша!) оказывается и целое, которому этот фрагмент принадлежит, и даже серия таких «восполненных» публикаций (серия «Феноменология. Герменевтика. Философия языка» («PHS») с первыми томами Хайдеггера («Работы и размышления разных лет» (1993) в переводе А.В. Михайлова (1938–1995), по-германистски дополнявшем укоренявшие немецкое в русском переводе В.В. Библихина ([1938–2004), сведенные вместе в сборнике «Время и бытие» (1993)), Витгенштейна (с «Трактатом» и «Философскими исследованиями» – в переводе М.С. Козловой (1933–2011)), Шелера, Лакана, Пирса; черная серия «малых» книг «Пирамида») выводящих культур-журнальный проект на культур-издательский простор – не так ли?

Насколько «культурпрагматичным» был этот выход в «издательскую деятельность»? Он был спасительным для самой возможности продолжения «Логоса» далее второго выпуска (так же, как и первый, подготовленного «на коленках» и вышедшего уже в саранской типографии, с которой были как-то связаны «знакомые знакомых»). Но вместе с тем он, естественно, оказался «деконцентрирующим» внимание редколлегии с исполнения специализированной «малой журнальной формы» на более широкий культурный захват.

Но что было делать? – Ни своего «Мусгета», ни «Издательства М.О. Вольфа», финансово-технически поддерживавших «первый “Логос”», вокруг не наблюдалось. И к тому же, в отличие от до-революционного «Логоса», тот наш журнал (как и серийные книжные издания) продавался, читался, обсуждался... В то десятилетие 1990-х.

014а. Культур-прагматика «Логоса» (II)

Впрочем, также следствием «прагматизации» проекта журнала «Логос» стала и его позднейшая трансформация, предпринятая его «гл. редактором» – сначала, весной 1998-го, в издательский орган Центра феноменологической философии при философском РГГУ (занявшего место лаборатории «Языки современной философии» (1995–1998)), затем – в еще более «прагматично» избираемые гибридные формы. – Широкий охват и здравый практицизм выборки и подачи материала – да, но... где же здесь «страсть» и «событийность» мысле-действия и в чем, собственно, «Логос»?..

015. Нормализация («Логоса») 2000-х

Позднейшая аккуратно-прагматичная специализация «“Логоса” 2000-х» – свидетельство уже того, что на смену рискующе-раздаривающему межвременью 1990-х пришел очередной период калькулирующей «нормализации» и конкурентного наполнения уже сформировавшейся культуриндустриальной ниши: философски-литературный журнал «Логос» стал «культурпрагматичным» и «культурэкономичным». Take it or leave it – но: такой тактический подход ведь (до сих пор как-то) и работает?

По сути дела, та «наша» малая – «переходная», «до-прагматичная» – история «Логоса 90-х» закончилась в мае 2001-го – изданием «Авто-био-графия. Тетради по аналитической антропологии» (под ред. В.А. Подороги), подготовленным уже в рамках сектора постклассических исследований в философии ИФРАНа (вышедшем в издательстве «Логос» (Москва)).

Но это – уже другая, опять-таки «начальная» история синтетических и гибридных трансформаций «русского XX» сквозь 2000-е. В которой... также продолжала складываться история философского поколения «не-переходных» 1990-х.

Бадью А. 2016. *Век*. – М.: Логос.

Лосский Н. 1906. *Обоснование интуитивизма*. – СПб.

Кант И. 1907. *Критика чистого разума* / Пер. с нем. и предисл. Н. Лосского. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича.

Кузнецов В.Н. 1989. *Немецкая классическая философия второй половины XVIII – начала XIX века: Учеб. пос. для ун-тов*. – М.: Высшая школа.

Философский журнал «Логос». Кн. 1. 1998; Кн. 2. 1998. – М., 1991–1998. – Доступно: <https://web.archive.org/web/20111102164835/>; <http://anthropology.rinet.ru/old/soder-all.htm>. – Проверено: 23.09.2023.

Куренной В.А. 2012. Межкультурный трансфер знания: случай «Логоса». – *Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2008–2009 год*. – М. – С. 133–217. – Доступно: <https://publications.hse.ru/chapters/69692397>. – Проверено: 29.08.2023.

Авто-био-графия... 2001. *Авто-био-графия. Тетради по аналитической антропологии* / Под ред. В.А. Подороги. – М.: Логос.

Dimock M. 2019. *Defining generations: Where Millennials end and Generation Z begins.* – Доступно: <https://pewrsr.ch/2szqtJz>, 17/01/2019. – Проверено: 29.08.2023.

Fukuyama F. 1989. The End of History? – *The National Interest.* – Summer. (Рус. пер.: Фукуяма Ф. 1990. Конец истории? – *Вопросы философии.* – № 3).

«Les philosophes ne m'intéressent pas, je cherche des sages», une conversation avec Alexandre Kojève. – *Quinzaine littéraire.* – № 500. – le 15 janvier 1968. – Available at: <https://legrandcontinent.eu/fr/2020/12/25/conversation-alexandre-kojeve/?fbclid=IwAR0LCrYiulz1Y1D1Cn1sP2diWYC2mSyle3KglxBklv44M7NX7FIEPQ7BPA>. – Accessed: 29.08.2023.